

СОЛИСТ БОЛЬШОГО В ГРИМЕ И БЕЗ

Друзья все уши прожужжали: в Большом театре талантище объявился, Владимир Букин. Я хоть и не истовая меломанка, как они, но существо любознательное, на новые имена падкое. Недолго думая, покупаю билет у мрачного вида юноши перед входом (на мои провокационные вопросы, что нынче идет, да кто поет, он только неопределенно мычит) и мчусь по беломраморной лестнице.

ОРКЕСТР уже играет увертюру к «Царской невесте» Римского-Корсакова. И вся суета, которой только что была полна моя жизнь, мгновенно улечучивается. Ни с чем не сравнимая атмосфера Большого — пурпур и золото, сложный букет духов, приглушенные, тающие в звуках скрипок голоса зрителей, их таинственно бледные в полумраке лица — окутывает меня.

На сцене стоит осень 1572 года. На ее фоне маяется неразделенной любовью чернокудрый красавец с цыганской серьгой в ухе — царский опричник Григорий Грязной. Певец ничуть не похож на итальянского оперного «соловья», упивающегося исторгаемыми его голосовым аппаратом звуками. Страдает русская душа, ее бросает от бешеной удали к неизбывной тоске, и где-то между этими чисто славянскими крайностями вдруг возникает свет тихой нежности. Голос, драматический баритон большой силы и красоты, передает оттенки переживаний героя с такой естественностью, такой обнаженной искренностью, что кажется, будто присутствуешь в храме на исповеди. И сам Григорий Грязной — не костюмированный персонаж эпохи Ивана Грозного, а живой, интересный нам, сегодняшним, человек.

Действие спектакля между тем разворачивается, появляются любящая Грязного Любаша и ее соперница, хрупкая, как стебелек, Марфа, жених Марфы Иван Лыков... Кипят страсти, готовится приворотное зелье, грозный царь Иван бросает хищный взгляд на юную Марфу, вершатся немыслимые предательства, казнят безвинного, каются и принимают возмездие.

И быть бы либретто заурядной историко-бытовой «чернухой», если не поднимающая ее до трагедийных высот удивительно русская музыка Н. А. Римского-Корсакова, если бы не омывающая сердца красота голосов — не раз воспетого критиками меццо-сопрано Тамары Синявской, сопрано Виктории Лукьянец, тенора Николая Васильева, дуэтов, хора... И руководит этим действием взмахами магической палочки дирижер Андрей Чистяков.

И все же эпицентром драматических событий на протяжении всей оперы остается Грязной. Он излучает какую-то вихревую энергию, подхватывающую на свою орбиту остальных действующих лиц, и вот уже все артисты существуют в едином потоке, едином биополе.

Через несколько дней Владимир Букин сидит напротив меня в редакции. Разумеется, я не ждала, что он явится на интервью в шитом золотом кафтане и собольей шапочке. Но образ царского опричника настолько вьелся в мою зрительскую память, что этот коротко стриженный человек в свитере и джинсах, по-моему, похож больше на баскетболиста, альпиниста или киношного супермена, чем на оперную звезду.

Поэтому я с места в карьер и спрашиваю, как это ему удается с такой легкостью «входить в эпоху» и столь вольготно в ней существовать.

— Дело в том, что Грязной — это я. Не в том, конечно, смысле, будто я способен на все дикости,

им совершенные. Но логику, вернее, алогичность его поступков я нутром понимаю. Может, я в своей прошлой жизни был таким безумцем? У приближенного царя была сытая, престижная, выражаясь нашим языком, жизнь, были власть, богатство. Но вот он полюбил. И все, кроме этой огромной любви, вдруг опостыдело ему, потеряло смысл. Не ведая, что творит, он встал на путь разрушения, поломав в конце концов и свою, и чужие жизни. Что-то от этого яростного характера, наверное, есть и во мне. Во всяком случае, в «Царской невесте» на сцену выходит не «баритон Букин», выходит Грязной.

— Вы поете почти все заглавные баритональные партии в Большом театре. И так же происходит с князем Игорем в «Князе Игоре», Мизгирем в «Снегурочке», Альфио в «Сельской чести»?

— Да, именно так. Моя мечта, чтобы публика ходила не на певца, а, скажем, на Грязного, Мизгирия или Альфио, которых поет артист.

Может быть, мы бы никогда не услышали этого имени — Владимир Букин, во всяком случае, в детстве ничто не предвещало ему оперного будущего. Но вмешалась судьба или сам Бог, в которого Владимир давно и глубоко верует. Преподавательница музыки Татьяна Миронова обратила внимание на Букина исключительно потому, что он напомнил ей погибшего племянника. И решила заниматься с ним. Через несколько уроков Володя заявил: «Буду солистом Большого театра». От такой наглости Татьяна Николаевна пришла прямо-таки в бурное педагогическое негодование.

— И все-таки, как вы попали в Большой театр?

— Занесло...

Проучился два года в училище при консерватории, потом полтора — в Гнесинском институте. Студентов в оперную труппу Большого тогда запрещено было принимать. Но что могло меня остановить! Вдвоем с концертмейстером Ираидой Шепелевой, обманув бдительную охрану, проникли в театр через служебный вход. А в зале уже идет прослушивание. И сразу же меня приглашают на сцену: «Спойте арию князя Игоря». Пою, а комиссия ищет в это время мои документы. Их, разумеется, нет и быть не может: я же не подавал. «Да кто вы такой?» — спрашивают. «Я Вова Букин», — «Ну что ж, Вова, идите в отдел кадров, подавайте документы».

— А если б не Большой театр, кем бы стали?

— Пел бы в храме. В юности довелось бывать в монастырях, встречался с владыкой Питиримом. Чуть было не рукоположился на дьякона, был солистом церковного хора.

С благодарностью говорит Букин о своих учителях, о людях, сыгравших важную роль в его творческой биографии, — Александре Розуме, Наталье Шпиллер, Заре Долухановой. С восторгом — о талантливых своих предшественниках и коллегах, о дирижерском корпусе — Александре Лазареве, Андрее Чистякове, Алексее Степанове, концертмейстерах Алле Басаргиной, Елене Остроуховой, Елене Чеглаковой.

Высоко ставя человеческую духовность, Владимир не приемлет интриг, которыми грешат, увы, многие театральные коллективы, не терпит зависти, считая ее «черной дырой», в которую засасывает талант». Нужно работать и не забывать чистить себя от грязи — таково кредо певца. По-настоящему ему интересно только творчество.

— Все досужие разговоры о том, что Большой театр гибнет, — пустой звук, — говорит Владимир Букин. — В театре идет прекрасный творческий процесс. Большой самой своей историей и судьбой обречен быть Большим.

Марина МАЦКЯВИЧЕНЕ.

НА СНИМКЕ: Владимир БУКИН в роли Грязного.

Фото Ростислава ФЕДОРОВА.